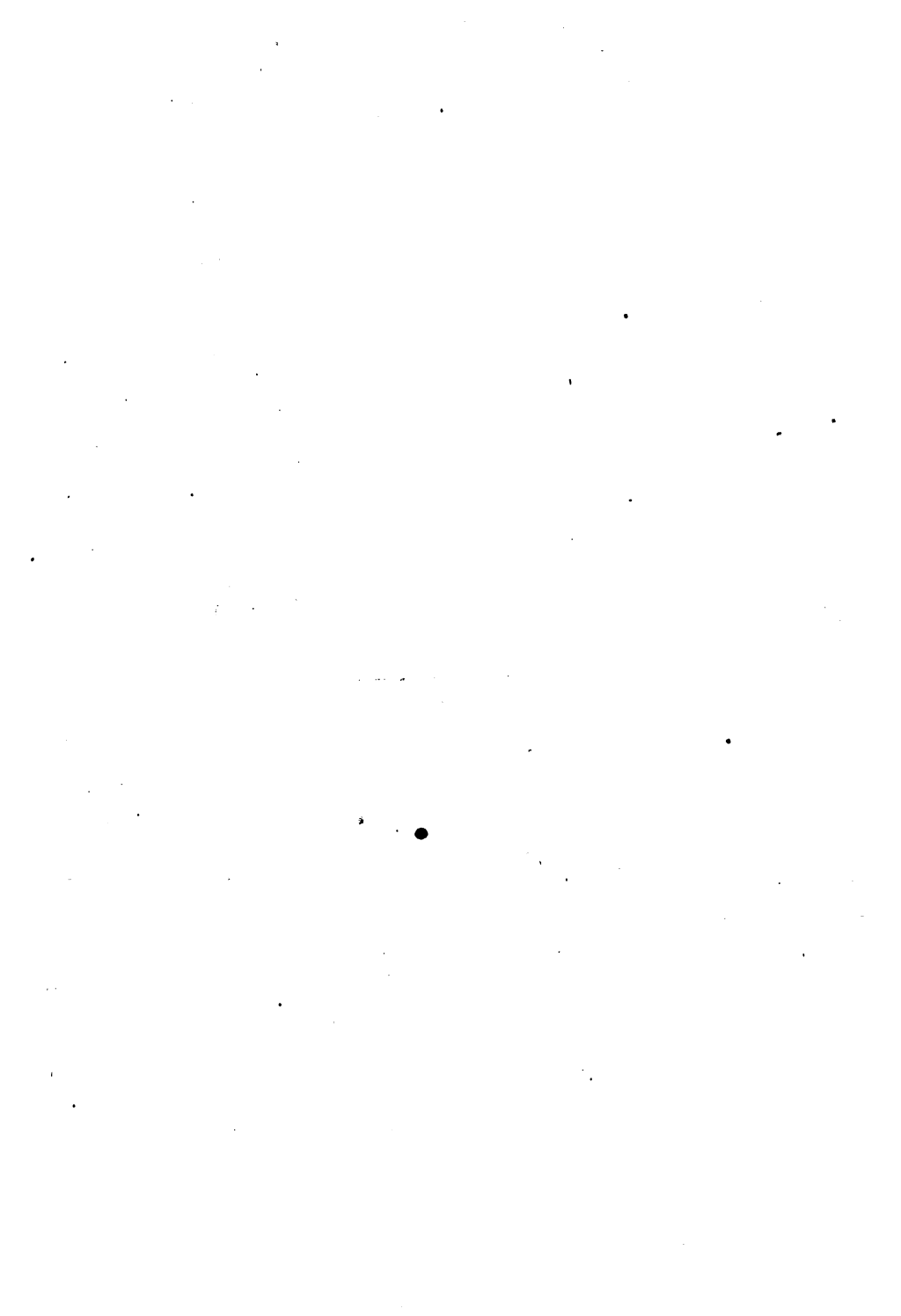

НАЧАЛО И ХАРАКТЕРЪ
ПУГАЧЕВЩИНЫ.

Дозволено цензурой. Москва, 13-го мая 1865 года.

DK183
54

Начиная рѣчь о важномъ и любопытномъ событіи, называемомъ Пугачевщиной, я долженъ прежде всего предупредить тѣхъ изъ моихъ читателей, которые знакомы съ литературой этого эпизода, что они найдутъ въ моемъ изслѣдованіи очень мало новаго. Я имѣлъ передъ глазами весьма немногіе рукописныхъ документовъ и черпалъ главнѣйше изъ печатнаго. Мнѣ кажется, однакожь, что внимательный пересмотръ того что хотя и сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ, но далеко не всѣмъ извѣстно, можетъ быть названъ дѣломъ не безполезнымъ. По числу расходящихся въ нашей публикѣ экземпляровъ *Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей*, въ которыхъ напечатано много любопытныхъ извѣстій о Пугачевѣ, я считаю себя въ правѣ думать, что значительная масса читателей знакома съ Пугачевщиной только по *Исторіи Пугачевского Бунта*. Можно сомнѣваться, чтобы даже и всѣ тѣ, которымъ не чужды извѣстія обнародованныя послѣ Пушкина, имѣли досугъ и охоту группировать и классифицировать ихъ, задавать себѣ вопросы и искать на нихъ отвѣтовъ. Еслибы только новизна фактовъ составляла необходимое условіе исторической работы, то дѣло исторіи исчерпалось бы въ тотъ моментъ, когда были бы пересмотрѣны государственные и частные архивы. Мы видимъ, однакожь, что въ ту самую минуту, когда пишутся эти строки, издается сочиненіе объ

эпохѣ, письменные памятники которой уже переведены на большую часть европейскихъ языковъ, комментированы множествомъ европейскихъ ученыхъ и даже отчасти изучаемы въ школахъ, — и все-таки сотни тысячъ людей читаютъ новыя изсѣдованія о Пугачѣ.

Возбужденное Пугачевымъ движеніе принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ народныхъ движеній въ XVIII вѣкѣ; между тѣмъ мы имѣемъ о немъ лишь одно общее, болѣе или менѣе полное и удовлетворительное сочиненіе — Пущкина. Но Пущкинъ не зналъ очень многого, что въ настоящее время опубликовано въ специальныхъ изданіяхъ; онъ не имѣлъ въ виду различныхъ явленій чисто-народной, не государственной жизни, соприкасавшихся съ Пугачевщиной и ее объясняющихъ; наконецъ, по условіямъ, въ которыхъ находилась печать въ тридцатыхъ годахъ, Пущкинъ не могъ коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ, болѣе доступныхъ писателю нашего времени. И вотъ почему его весьма почтенный, впрочемъ, трудъ уже не удовлетворяетъ людей нашего времени. Они, конечно, въ правѣ желать большаго, нежели то что я могу имъ дать; они въ правѣ желать исторію Пугачевщины, основанной на несомнѣнныхъ, документальныхъ фактахъ, которые освѣтили бы всѣ темныя стороны этого дѣла; но откладывая всякое изсѣдованіе по этому предмету, до того времени пока всѣ труды судной и слѣдственныхъ комиссій о Пугачевѣ будутъ обнародованы, оказали ли бы мы пользу русскимъ читателямъ? Едва ли. Можетъ-быть многое изъ того что теперь мы рѣшаемся выдавать за вѣроятное, или даже достовѣрное, будетъ опровергнуто, но кое-что уже и теперь установлено на прочномъ основаніи. Не станемъ же скрывать и этого немногаго. Оно все-таки есть пріобрѣтеніе.

Наиболѣе любопытные документы, могущіе служить для разъясненія какъ характера и хода Пугачевщины, такъ и главнаго дѣйствующаго въ ней лица, изданы Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, въ *Чтеніяхъ* котораго напечатаны: 1) *Выписка изъ произведеннаго въ Оренбургской секретной коммисіи слѣдствія о первоначальномъ злодѣйскомъ замыслѣ и пр.* и 2) *Допросы Пугачева въ отдѣльной секретной коммисіи, что въ Яицкомъ-Городкѣ*. Первый изъ этихъ любопытныхъ документовъ,

къ сожалѣнію, не имѣетъ конца и составленъ по показаніямъ только однихъ сообщниковъ Пугачева, во время самого мятежа. Что же касается до втораго документа, то онъ въ высшей степени интересенъ и важенъ и, вмѣстѣ съ исторіей Пушкина, послужилъ главнымъ основаніемъ настоящему изслѣдованію. Затѣмъ, нѣсколько современныхъ записокъ, напечатанныхъ въ послѣднее время или же хотя и старыхъ, но большею частію забытыхъ, множество историческихъ статей, хотя и не относящихся прямо къ настоящему предмету, но объясняющихъ людей и дѣла того времени, и, наконецъ, *Полное Собраніе Законовъ*, — вотъ довольно обильный запасъ матеріаловъ, съ помощію которыхъ я постараюсь, по возможности, разгадать Пугачевщину.

I.

Появленіе Пугачева и страшные размѣры, какіе приняло возмущеніе, сильно поразило умы современниковъ. Что за человѣкъ Пугачевъ? Откуда онъ взялся? Неужели въ самомъ дѣлѣ простой казакъ? Не скрывается ли за нимъ чей-нибудь тайной руки? Вотъ что говорили не только въ Россіи, но и за границей. При первомъ извѣстіи о появленіи Пугачева, графъ А. Орловъ, находившійся въ то время въ Италіи, выразилъ увѣренность, что онъ агентъ Французскаго двора. Вольтеръ былъ недалеко отъ подобной же увѣренности. Припоминая, что кавалеръ Тоттъ, одинъ изъ многочисленныхъ агентовъ, которыхъ разсылао французское правительство въ разныя стороны, находился въ это самое время между Буджакскими Татарами, Вольтеръ писалъ императрицѣ Екатеринѣ: „Вѣроятно, кавалеръ Тоттъ разыгрываетъ эту фарсу.“ Въ своемъ отвѣтѣ государыня въ свою очередь замѣчаетъ о Пугачевѣ: что „до сихъ поръ нѣтъ причины заключать о его сношеніяхъ съ заграничными правительствомъ.“ Значить, она сама считала возможнымъ такое предположеніе; она даже дѣлала на это намеки въ своихъ откровенныхъ разговорахъ, какъ это видно изъ *Записокъ Храповицкаго*. Изъ отрывковъ изъ свѣдѣнія надъ Пугачевымъ, дошедшихъ до насъ, мы ви- ✓

димъ, что у него спрашивали, не находился ли онъ въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Онъ отвѣчалъ отрицательно; и дѣйствительно, пересмотрѣвъ переписку нашихъ посланниковъ при дворахъ: Прусскомъ (который императрица особенно подозрѣвала), Вѣнскомъ и Парижскомъ, мы не нашли ни малѣйшаго намека на сношенія ихъ съ Пугачевымъ. Нѣкоторые изъ этихъ дворовъ радовались нашимъ затрудненіямъ, начавшимся, какъ извѣстно, когда мы были въ разрывѣ и съ Польшей и съ Турціей, но чтобы они „выпустили“ Пугачева, на это нѣтъ доказательствъ.

Поздѣе, едва ли не въ близкое къ намъ время, составилось предположеніе: не былъ ли Пугачевъ орудіемъ партіи „недовольныхъ.“ Это предположеніе нигдѣ, впрочемъ, не было положительно формулировано, и на него лишь кое-гдѣ встрѣчаются намеки; поэтому и возражать на него затруднительно. Я коснусь далѣе этихъ намековъ, которые мнѣ кажутся весьма мало основательными, но категорически опровергнуть ихъ не могу, не имѣя передъ глазами всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Прежде всего считаемъ не лишнимъ познакомиться съ положеніемъ края, въ которомъ явился самозванецъ, и въ которомъ въ продолженіе года свирѣпствовало страшное возстаніе.

Возмущеніе, начавшееся въ средѣ Яицкаго (Уральскаго) казачьяго войска, быстро сообщилось Оренбургскому краю, Башкиріи и Поволжью, или, употребляя нынѣшнія названія, изъ земли Уральскаго казачьяго войска, какъ главнаго своего центра, оно проникло чрезъ Оренбургскую губернію почти до Перми и Екатеринбурга, перешло за Каму, къ Волгѣ, въ губерніи: Самарскую, Астраханскую, Саратовскую, Пензенскую, Симбирскую, Казанскую и доходило до Нижняго-Новгорода и границъ Владимірской губерніи въ одну сторону, а въ другую — проникло въ ближайшіе уѣзды Тобольской губерніи и начинало волновать кочевыхъ Киргизовъ. Это почти тотъ же театръ дѣйствія, на которомъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ разыгрались подвиги Стеньки Разина. Сближеніе не случайное! Должны же быть какія-нибудь причины тому, что именно эта мѣстность была два раза въ теченіе ста лѣтъ театромъ такихъ значительныхъ волненій, запечатлѣнныхъ противупообщественнымъ и противугосударственнымъ характеромъ! Исслѣдуемъ же эти причины.

Отличительная черта этого обширнаго края состоитъ въ

томъ, что онъ заключаетъ въ себѣ большую примѣсь инородческихъ и инородческихъ племенъ, и притомъ такихъ племенъ, которыя или еще были кочевниками, какъ Киргизы и Калмыки, или у которыхъ кочевой бытъ спорилъ еще съ осѣдымъ, какъ у Башкиръ, или, наконецъ, которыя, подобно Татарамъ и Черемисамъ, хотя и достигли въ своемъ развитіи степени полной осѣдлости, но не свыкались еще съ формами гражданской жизни. Къ этому надо еще прибавить, что и самое русское населеніе этого края представляло особенности, благопріятствовавшія развитію между ними элементовъ броженія и безпорядка. Въ этомъ край встрѣчаемъ въ большомъ размѣрѣ казачество,* въ то время еще повсюду протестовавшее противъ стѣсненія старинной казацкой вольницы; здѣсь же находимъ два важнѣйшихъ центра раскола, заключающаго въ самой сущности своей условія сопротивленія какъ вообще дѣйствіямъ правительства, утратившаго, по понятіямъ сектаторовъ, старинное православіе, такъ и формамъ жизни, слагавшейся въ обновленной, послѣ-Петровской Россіи. Всѣ эти особенности необходимо имѣть передъ собою, чтобы ясно представить себѣ и вѣрно понять причины успѣховъ Пугачева.

Равнины, раскинувшіяся вдоль сѣверо-западнаго берега Каспійскаго моря, прикасаясь, съ одной стороны, къ степнымъ пространствамъ Средней Азіи, а съ другой—къ землямъ Затеречныхъ горцевъ, искони были, и до сего времени еще остаются, поприщемъ азіатскихъ кочевниковъ. Равнинная полоса земли, находящаяся между южными склонами Общаго Сырта и Каспійскимъ берегомъ, перерѣзываемая теченіемъ Урала (по старинному, Яикъ), была всегда открытымъ путемъ, которымъ кочевыя орды вторгались изъ глубины Азіи въ Европу. Этимъ путемъ пришли въ XVII вѣкѣ и Калмыки, и разсыпавшись по равнинамъ, разстилающимся вдоль низовьевъ Волги, оттѣснили отсюда Ногайцевъ къ Тереку. Они не затруднились дать Московскому правительству *шеретныя* записи, выставили даже своихъ всадниковъ для усиленія ратей царя Θεодора Алексѣевича, воевавшего противъ заднѣпровскихъ казаковъ и Турокъ, но въ то же время грабили пограничныя русскія поселенія и вели истребительныя войны съ другими

* Казаки яицкіе, оренбургскіе, астраханскіе и волжскіе.

кочевниками, напиравшими изъ-за Яика, съ Ногайцами и съ Закубанскими горцами, а ханы ихъ списывались съ Персидскимъ шахомъ, Крымскимъ ханомъ и даже Турецкимъ султаномъ, очевидно, не придавая большаго значенія своему подданству Русскому царю. Только астраханскому губернатору Волинскому, а еще болѣе Татищеву, въ царствованіе императрицы Анны, удалось дать имъ почувствовать дѣйствительность этого подчиненія и стать твердою ногой среди калмыцкихъ улусовъ, построеніемъ крѣпостей Ставрополя и Енотаевска. Но за то цѣлыя толпы ихъ стали уходить обратно за Яикъ, въ родную Азію, или за Кубань. * Въ царствованіе императрицы Елизаветы одна вѣтвь ханской фамиліи приняла св. крещеніе и обмѣнила свои кочевые улусы на вотчину въ одной изъ внутреннихъ русскихъ губерній; въ кочевьяхъ Калмыковъ явились русскіе пристава, и власть природныхъ владѣльцевъ начала дѣлаться болѣе номинальною чѣмъ дѣйствительною. Къ несчастію, управленіе русскихъ приставовъ, не имѣя за собою того авторитета, какимъ пользовались старинные ханскіе роды, мало отличалось отъ прежняго въ отношеніи самоуправства и злоупотребленій. Калмыки были уже настолько обезсилены, что не чувствовали себя въ состояніи дать отпоръ, но за то однажды поднялись съ своими стадами и кибитками и въ числѣ 169.000 человекъ откочевали за Уралъ (1771 г.).

Таково было одно изъ племенъ населявшихъ край, въ которомъ должна была разыгратъсѣ Пугачевщина. Другое инородческое племя были Башкиры. Имъ принадлежала вся страна, которая лежала за Камой, и которой примѣрными границами можно назвать Екатеринбургъ съ одной стороны, а съ другой—среднее теченіе Урала,—страна частію лѣсистая и гористая, а частію степная. Въ эту Закамскую область русское народонаселеніе проникло еще въ XVI вѣкѣ, вслѣдъ за покореніемъ Казани. До истеченія этого вѣка въ Башкирской землѣ стояли уже русскіе городки, между прочими Уфа; въ слѣдующемъ столѣтіи построены Красноуфимскъ и городки и острожки Стро-

* *Татищевъ и его время, Исторія Пугач. бунта.* Примѣчаніе, извлеченное изъ сочиненій о. Іоакима Вичурина. По его свидѣтельству, до 100 т. изъ числа Калмыковъ, откочевавшихъ изъ Россіи, было истреблено другими кочевниками во время ихъ скитованія отъ русскихъ границъ до китайскихъ.

гоновых по рѣкѣ Чусовой. Добровольные переселенцы начали прибывать въ этотъ край; въ немъ воздвиглось нѣсколько монастырей, между которыми громкую извѣстность имѣетъ Успенскій Далматовъ монастырь, основанный въ половинѣ XVII вѣка. Но главный приливъ русскаго народонаселенія въ Башкирскій край начался при Петрѣ Великомъ, когда въ немъ были предприняты казенные и частные рудоконные промыслы, и основанъ главный горнозаводскій центръ, Екатеринбургъ. Богатый естественными произведеніями, хотя и суровый климатомъ, Башкирскій край сильно тянулъ къ себѣ русскую колонизацію, и правительственную и частную. Но это постоянно увеличивающееся число русскихъ поселеній раздражало Башкиръ и было главною причиною волненій между ними, продолжавшихся почти непрерывно во все XVIII столѣтіе. Присутствіе свое въ Башкиріи Русскіе должны были поддерживать силою, и вотъ почему мы замѣчаемъ здѣсь явленіе чрезвычайно рѣдкое въ нашей исторіи XVIII вѣка: разрѣшеніе, данное частнымъ лицамъ имѣть собственыя укрѣпленія съ орудіями, порохомъ, снарядами и гарнизонами. Демидову было дозволено возвести укрѣпленія въ его заводахъ—Суксунскомъ, Ревдинскомъ и Барнаульскомъ,* а Строгоновымъ въ ихъ Соликамскихъ и Чардинскихъ имѣніяхъ.** Правительство, съ своей стороны, принимало энергическія мѣры къ утвержденію въ этомъ краѣ спокойствія. Чтобъ отдѣлаться отъ Киргизскихъ ордъ, съ которыми Башкиры то вели опустошительныя войны, то соединялись противъ Россіи, возведена была Оренбургская линія, начиная отъ верховьевъ Урала до границъ Уральскаго войска. Первымъ звеномъ этой цѣпи была крѣпость Орская,*** потомъ Сакмарскій городокъ и, наконецъ, цѣлый рядъ фортовъ и редутовъ. Съ другой стороны, чтобъ оградить отъ раззоренія русскія селенія, соотвѣднія съ Башкирскою землею, вытянута, была такъ - называемая Закамская линія, состоявшая изъ ряда крѣпостей, фельдшанцовъ и редутовъ, расположенныхъ отъ Самары черезъ Бугурусланъ по на-

* П. С. З. № 8444

** П. С. З. № 5248.

*** Она названа была первоначально Оренбургомъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ это имя было перенесено на другое мѣсто, гдѣ сосредоточилось главное управленіе краемъ. (П. С. З. № 7876).

правленію къ Мензелинску. Вдоль этой линіи поселены были при императрицѣ Аннѣ большія слободы изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ и изъ охотниковъ, всякаго званія, * и, наконецъ, дозволено было частнымъ людямъ покупать земли у Башкиръ, **—дозволеніе, которымъ они, какъ извѣстно, широко воспользовались.

Такое сильное вторженіе русскаго элемента въ Башкирію произвело, какъ сказано, въ ней волненія, которыя почти не прекращались во все продолженіе XVIII вѣка. Возстаніе началось въ 1704 году, и нѣсколько разъ то прекращалось, то возобновлялось въ царствованіе Петра I; съ построеніемъ Орской крѣпости, въ 1735 году, оно возобновилось, продолжалось до 1742 и, наконецъ, вспыхнуло снова черезъ 13 лѣтъ. Видя, наконецъ, невозможность идти противъ этой силы, со всѣхъ сторонъ ихъ обхватывавшей и сжимавшей, Башкиры, подобно Калмыкамъ, рѣшились бѣжать и ушли въ числѣ 50.000 человекъ за Уралъ, къ Киргизамъ. ***

Таковы были глубокія потрясенія, сопровождавшія утвержденіе нашего владычества на нижнемъ Поволжьи и въ Приуральскомъ краѣ. Они простерлись и въ Заяицкія степи. Изъ числа трехъ кочевавшихъ въ нихъ Киргизскихъ ордъ, двѣ признали владычество Россіи въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Но, разумѣется, ихъ подданство было вначалѣ еще болѣе номинальное чѣмъ подданство Калмыковъ или Башкиръ, такъ какъ утвердить надъ ними власть было мудренѣе, а окружить ихъ кочевья линіей фортовъ не было никакой возможности: позади ихъ была степь, простиравшаяся до границъ Бухары и Китая. Они обязались охранять нашу границу отъ другихъ кочевниковъ, и обязательство это дѣйствительно исполняли, но за то сами безпрестанно врывались то къ Башкирамъ, то къ волжскимъ Калмыкамъ,—особливо къ послѣднимъ. Иногда яцкиимъ казакамъ случалось отражать ихъ набѣги, но въ такомъ случаѣ они выжидали зимы, и мимо устьевъ Яика, по льду, Каспійскимъ моремъ, пробира-

* П. С. З. №№ 6889, 7315, 7727; направленіе этой линіи означено въ *Обозрѣніи Оренбургскаго края* г. Жуковского.

** П. С. З. №№ 6887, 6890.

*** *Описаніе Киргизъ-Кайсайцукскихъ ордъ и степей*, Левшина.

лись въ кочевья Калмыковъ, уводили въ пѣвыя дѣлые улусы и угоняли стада. *

Излишне было бы говорить о прочихъ инородцахъ, обитавшихъ на луговой (лѣвой), а частію и на нагорной сторонѣ Волги, по Камѣ и за Камою. Мещераки, Тентеря, Черемисы, наконецъ Татары, разбросанные по всему Поволжью, хотя издавна жили осѣдло, но огромное ихъ большинство еще не были христіанами; не далѣе какъ за тридцать лѣтъ передъ событіемъ, къ которому приступаемъ, Мордва одной изъ деревень въ окрестностяхъ Арзамаса, — города, отстоящаго отъ Москвы съ небольшимъ 400 верстъ, — отступилась отъ язычества: ** это одно можетъ дать понятіе о томъ, какая густая тѣма лежала въ этомъ краѣ лѣтъ сто тому назадъ, тѣмъ болѣе что, какъ сказано, и собственно-русское народонаселеніе въ немъ отличалось многими особенностями, враждебными правильнымъ формамъ гражданственности. Одна изъ главныхъ особенностей края, въ которомъ разыгралась Пугачевщина, — это находящіеся въ ней горные заводы съ прикрѣпленными къ нимъ горнозаводскими крестьянами. Этотъ видъ крѣпостнаго права былъ, повидимому, не самый легкій; работа, на которую определено было горнозаводское населеніе, едва ли не тяжелѣе полевой, и во всякомъ случаѣ она менѣе привычна русскому крестьянину, земледѣльцу по преимуществу. Если же къ этому прибавить, что заводы управлялись не самими владѣльцами, а наемниками, и преимущественно иностранцами, которые, сверхъ суровости, въ то время обыкновенной, вносили въ свои отношенія къ рабочему люду вовсе не скрываемое къ нему презрѣніе, то будетъ не трудно понять причины весьма нередкихъ случаевъ неповиновенія и даже явнаго возмущенія со стороны заводскихъ крестьянъ. Такіе случаи стали особенно часто повторяться съ тѣхъ поръ, какъ часть казенныхъ заводовъ перешла, при императрицѣ Елизаветѣ, въ руки частныхъ людей, — Шуваловыхъ, Ягужинскихъ, Чернышевыхъ и др.; это засвидѣтельствовано формальнымъ свидѣтельствомъ. *** На многихъ изъ этихъ заводовъ приостановились

* *Опис. Киргизъ-Кайс. орды.*

** *Ист. рус. церкви, IV. 21.*

*** *Рус. Вѣстн. 1861 г. „Тысяча семьсотъ шестьдесятъ седьмой годъ“, Соловьева.*

работы и нередко приходилось прибѣгать къ вооруженной силѣ, чтобы возстановить порядокъ и повиновеніе. При Петрѣ III оказалось нужнымъ послать на заводы особыя военныя команды, * которыми пришлось преодолѣвать открытое сопротивленіе. По вступленіи на престолъ Екатерины II, оно еще болѣе усилилось. Къ этому подало поводъ распоряженіе Екатерины, сдѣланное въ отмѣну указа Петра III о монастырскихъ и церковныхъ имуществѣхъ. Петръ III, какъ извѣстно, отнялъ у духовенства управленіе этими имѣніями, подчинилъ ихъ коллегіи экономіи, обложилъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ рублевымъ оброкомъ, но за то отдалъ имъ всю пахатную землю, а затѣмъ остальные земли и угодья монастырскія обратилъ въ арендныя статьи. Всѣ эти доходы должна была получать коллегія экономіи и изъ нихъ производить денежныя и хлѣбныя отпуски на содержаніе монастырей и церквей. Указъ Петра III произвелъ въ высшемъ духовенствѣ большое раздраженіе противъ императора, не очень симпатичнаго духовному сословію и прежде того. Екатерина поспѣшила отмѣнить или, точнѣе, видоизмѣнить этотъ указъ, и назначила особую комиссію, составленную изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей, для того чтобы опредѣлить порядокъ управленія монастырскими имѣніями. Этой комиссіи, инструкціей ей данной, ** повелѣвалось составить родъ инвентарей и ревизскихъ сказокъ по всемъ монастырскимъ и церковнымъ имѣніямъ, и распределить кому изъ крестьянъ быть на оброкъ и кому „на земледѣліи.“ Сопоставленіе земледѣлія съ оброчною повинностію заставляетъ предполагать, что подъ первымъ изъ этихъ названій надо подразумѣвать барщину. Вѣроятно то же самое разумѣли и тѣ, до которыхъ главнѣйше касался указъ. Поэтому крестьяне во многихъ мѣстахъ, и между прочимъ въ вотчинахъ Далматова монастыря, произвели сильныя волненія, которыя приходилось подавлять съ помощью военной силы. Повидимому, горнозаводскіе крестьяне примѣняли и къ себѣ силу указовъ о монастырскихъ и церковныхъ имуществѣхъ; указъ 1762 года произвелъ броженіе и между ними. По современнымъ извѣстіямъ, въ Петербургѣ находился въ это время какой-то крестьянинъ изъ числа заводскихъ, который, толкуя этотъ указъ по своему, и

* Записки о жизни и службѣ Бибикова, стр. 44 и слѣд.

** Полн. Собр. Зак. № 11716.

высылая къ своимъ землякамъ измѣненные и поддѣланные его экземпляры, произвелъ всеобщее смущеніе, а одинъ церковнослужитель, развѣзжая по заводамъ, своими рѣчами усиливалъ раздраженіе. Императрица послала генералъ-квартирмейстера, князя Вяземскаго, чтобы разобрать это дѣло и привести крестьянъ къ повиновенію. Вяземскій успѣлъ открыть причины зла, заключавшіяся главнѣйше въ злоупотребленіяхъ со стороны начальствующихъ лицъ, но прекратить его не успѣлъ, будучи назначенъ въ должность генералъ-прокурора. Тогда на его мѣсто былъ отправленъ А. И. Бибиковъ, еще молодой генералъ-майоръ и почти молодой еще человекъ, но извѣстный уже какъ блестящій военный офицеръ и смѣлый защитникъ страждущихъ. * Полагаясь еще болѣе на силу убѣжденія нежели на могущество штыковъ, онъ самъ лично отправился на заводы и въ продолженіе года умиротворилъ край, подвергнувъ однакожь 20 человекъ ссылкѣ на каторгу, остальныхъ же, наиболѣе виновныхъ, 100 человекъ, „по легкомъ наказаніи,“ отпустилъ по домамъ.

Какъ бы ни были, однакожь, искусны дѣйствія Бибикова, нельзя, впрочемъ, думать, чтобы онъ вырвалъ самый корень зла; онъ не прекратилъ, да и не могъ прекратить обязательныхъ работъ, и безъ сомнѣнія, не могъ искоренить смутной увѣренности крестьянъ въ томъ, что есть вокругъ престола люди, препятствующіе прекращенію обязательныхъ работъ. Эта увѣренность жила въ глубинѣ народной массы до нашихъ дней, и едва ли она не сильнѣе въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ гнѣздила расколъ, — а онъ былъ силенъ и на заводахъ, и во всемъ томъ краѣ, гдѣ развернулось движеніе, возбужденное Пугачевымъ. Въ этомъ краѣ было два великихъ центра раскола: въ Нижегородской губерніи и на Иргизѣ. Въ нижегородскихъ Керженскихъ лѣсахъ онъ прию-

* Онъ былъ назначенъ на мѣсто князя Вяземскаго въ 1763 году; ему было тогда 34 года. Передъ этимъ онъ былъ посылаемъ въ Хомигоры, гдѣ содержалось подъ присмотромъ семейство принца Антона Брауншвейгскаго, для того чтобы утѣрить его въ желаніи императрицы облегчить, но постепенно, участь этого несчастнаго семейства, а самому же принцу сдѣлать предложеніе отправиться за границу. Возвратясь, Бибиковъ явился горячимъ, даже сапшкомъ горячимъ заступникомъ заключенныхъ, какъ показалось императрицѣ, и былъ ею холодно принять.